

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дело №33-АПУ17-12сп

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

г. Москва

29 июня 2017 г.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Безуглого Н.П.,
судей Кочиной И.Г., Ведерниковой О.Н.,
с участием:

государственного обвинителя – прокурора Гусевой Е.А.,
потерпевших В [REDACTED], В [REDACTED] У [REDACTED]
оправданного – Соловьева В.В.,
защитника – адвоката Мусаева М.А.,
при секретаре Пикаевой М.А.,

рассмотрела в судебном заседании уголовное дело по апелляционному представлению государственного обвинителя Гусевой Е.А., апелляционным жалобам потерпевших В [REDACTED], В [REDACTED] У [REDACTED] [REDACTED] и их представителя адвоката Киселева Е.А.

на приговор Ленинградского областного суда с участием коллегии присяжных заседателей от 16 ноября 2016 года, которым

Соловьев В [REDACTED] В [REDACTED], [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]
[REDACTED], несудимый,

оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.33, п.п. «б», «з» ч.2 ст. 105 УК РФ на основании п.1 ч.1 ст.27 УПК РФ ввиду непричастности к совершению преступления. За ним признано право на реабилитацию.

Заслушав доклад судьи Кочиной И.Г., выступления государственного обвинителя-прокурора Гусевой Е.А., потерпевших В [REDACTED] [REDACTED] В [REDACTED] [REDACTED] У [REDACTED] [REDACTED], поддержавших доводы, изложенные в апелляционном представлении, в апелляционных жалобах и в дополнениях к ним, оправданного Соловьева В.В., адвоката Мусаева М.А., возражавших против отмены приговора, Судебная коллегия,

у с т а н о в и л а:

Соловьев В.В. обвинялся по ч.3 ст.33, п.п. «б», «з» ч.2 ст. 105 УК РФ в организации убийства по найму В [REDACTED] в связи с осуществлением им служебной деятельности.

Вердиктом коллегии присяжных заседателей признано не доказанным участие Соловьева В.В. в организации данного преступления, в связи с чем судом постановлен оправдательный приговор.

В апелляционном представлении и в дополнении к нему государственный обвинитель Гусева Е.А. указывает, что в ходе судебного разбирательства сторона защиты представляла доказательства по вопросам, разрешение которых не входит в компетенцию присяжных заседателей, намеренно подрывала допустимость доказательств обвинения, вторгалась в процедуру сбора доказательств, давая негативную оценку работе правоохранительных органов, высказывалась о причастности к преступлению других лиц, неоднократно заявляла ходатайства об оглашении показаний потерпевших и свидетелей в присутствии присяжных заседателей. При этом председательствующий не принял достаточных мер, направленных на ограждение коллегии от незаконного воздействия.

Так, во вступительном слове адвокат Мусаев заявил, что вместо реального заказчика на эту роль был назначен Соловьев, что обвинение в его адрес является голословным, а адвокат Камоев давал оценку материалам другого уголовного дела.

В ходе судебного разбирательства М [REDACTED] в присутствии присяжных заседателей приводил и оценивал заключение финансово - экономической экспертизы, которое не исследовалось, у потерпевшей У [REDACTED] выяснял, как идет расследование иных уголовных дел, у свидетеля С [REDACTED] - предъявлялось ли ему обвинение в связи с деятельностью учебного заведения, свидетелю С [REDACTED] задавал вопросы о причастности к другим преступлениям. Председательствующий снял не относящиеся к делу вопросы, но не разъяснил присяжным заседателям о необходимости не принимать их во внимание при вынесении вердикта.

До сведения присяжных заседателей адвокат Мусаев довел недостоверную информацию о том, что в ходе предварительного следствия свидетели М [REDACTED]

и Е [] показали, что убийство В [] заказал С [], но в суде от данных показаний отказались. После снятия председательствующим указанного вопроса с соответствующим пояснением, защитник стал пререкаться с судом и в присутствии присяжных спросил у С [], почему его даже суд покрывает. Затем в присутствии присяжных заседателей заявил ходатайство об оглашении показаний свидетелей М [] и Е []. Получив отказ, М [] намеренно, искажая их содержание, спросил у С [] по какой причине свидетели могли дать показания против него.

В присутствии присяжных заседателей адвокаты Мусаев и Камоев высказывались о том, что показания свидетелей К [] и С [] даны под угрозами, а их дальнейшая судьба напрямую зависит от сотрудников ФСБ и уголовного розыска. Недопустимые вопросы, касающиеся негативной оценки работы органов предварительного расследования и не связанные с предъявленным обвинением задавались стороной защиты при допросе свидетеля К [] на что председательствующий должным образом не отреагировал.

При допросе свидетеля Е [] адвокат Мусаев сослался на показания данного лица на следствии, которые не были оглашены в судебном заседании, задавал вопросы, касающиеся другого уголовного дела, в присутствии присяжных назвал действия председательствующего надругательством над правосудием и укрывательством преступлений.

Подсудимый Соловьев при даче показаний сослался на детализацию телефонных соединений которая не исследовалась в судебном заседании, на данное доказательство обратил внимание присяжных и адвокат Мусаев. Затем подсудимый довел до сведения присяжных существо показаний не допрошенного свидетеля Р [], а также содержание некоего письма, на тот момент отсутствовавшего в деле и не представленного присяжным заседателям.

В ходе допроса свидетеля М [] адвокат Мусаев давал собственную оценку его показаниям, интерпретируя их для присяжных заседателей в выгодном для себя свете, например, спрашивал, почему он выдумал разговор с К [] предлагал рассказать имеет ли отношение к преступному миру свидетель обвинения С [] и есть ли основания его опасаться, почему Макаров отказался от показаний о том, что заказчиком убийства является С []. Председательствующий не разъяснил присяжным заседателям о том, что данные высказывания защитника не должны приниматься во внимание при вынесении вердикта.

Защитник Мусаев и подсудимый Соловьев многократно сообщали присяжным заседателям, что суд препятствует представлять доказательства, стремясь создать у них впечатление об ущемлении прав стороны защиты, возражали против действий председательствующего, ставя под сомнение их законность, заявляли, что он лишил подсудимого Соловьева права голоса, а также публично оценили показания свидетеля Н [] как недопустимые.

В стадии прений адвокат Мусаев, стараясь вызвать предубеждение присяжных в отношении стороны обвинения, использовал уничижительные фразы и выражения в отношении показаний свидетелей обвинения К [] и

С [REDACTED], озвучил фамилию другого лица, являющегося, с его точки зрения, заказчиком убийства В [REDACTED], пытался дискредитировать обвинение и представленные доказательства, оценивал качество работы следствия, касался процедуры получения доказательств, ссылаясь на материалы другого уголовного дела, которые не были предметом исследования в ходе судебного разбирательства, негативно охарактеризовал свидетелей К [REDACTED] и С [REDACTED], искажил показания свидетелей М [REDACTED] и Е [REDACTED], настаивая, что с их слов, убийство В [REDACTED] заказал С [REDACTED] и он же передал деньги за совершение преступления, что не соответствует показаниям указанных свидетелей в судебном заседании, высказывал, свои предположения о мотивах действий К [REDACTED], нарушая пределы обвинения, высказывал свое мнение том, что заказчиком убийства является С [REDACTED] и заявлял, что его покрывает вся правоохранительная система.

Аналогичные нарушения допустил подсудимый Соловьев, выступая в последнем слове, кроме того, он озвучил перед присяжными заседателями суммы исковых требований потерпевших, сообщил, что показания свидетелей К [REDACTED] и С [REDACTED] – это результат работы оперативных сотрудников, говорил о давлении, оказанном на данных свидетелей, об условиях содержания его под стражей.

Возражения стороны защиты в связи с содержанием напутственного слова фактически переросли во вторые прения, во время выступления в которых адвокат Мусаев обвинил председательствующего в нарушении принципа равноправия сторон, призывал присяжных не идти у суда на поводу.

Несмотря на попытки председательствующего пресечь неправомерное поведение участников процесса со стороны защиты (объявлено более двадцати замечаний), его действия в этом направлении были явно недостаточными, некоторые факты незаконного воздействия на присяжных заседателей со стороны защиты были оставлены без внимания (том 53 л.д. 89, 125-126, 150, 157-158, 172, 178, том 55 л.д. 41-42, 47).

Государственный обвинитель полагает, что существенные нарушения стороной защиты требований уголовно-процессуального закона повлияли на формирование мнения присяжных заседателей и содержание ответов при вынесении вердикта, в связи с чем просит отменить приговор направить уголовное дело на новое судебное рассмотрение.

В апелляционных жалобах и в дополнении к ним потерпевшие В [REDACTED], В [REDACTED] У [REDACTED] и представляющий их интересы адвокат Киселев Е.А. считают, что существенные нарушения уголовно-процессуального закона были допущены при формировании коллегии присяжных заседателей, поскольку кандидат Л [REDACTED] скрыла, что обучалась в рассматриваемый период времени в университете сервиса и экономики, что знает участников этого уголовного дела, чем лишила стороны права на мотивированный или немотивированный отвод. О данном обстоятельстве стало известно через два месяца после формирования коллегии, в связи с чем присяжному заседателю по

указанным основаниям был заявлен отвод, который удовлетворен председательствующим. Однако до отвода Л. [] участвовала в судебных заседаниях, в обсуждениях доказательств, чем влияла на формирование мнения коллегии присяжных.

В присутствии присяжных заседателей адвокат Мусаев неоднократно возражал против действий председательствующего, что создавало видимость нарушения прав защиты и вызвало предубеждение против позиции стороны обвинения, например, в ответ на снятие вопросов к потерпевшему В. [] о неприятностях, связанных с предыдущим местом работы покойного В. [] к свидетелю С. [], касающиеся интимной жизни, к свидетелю обвинения К. [] избличающему С. [] о том, зависит ли его участь от того, как он ответит на вопросы в суде. Во время допроса свидетеля Г. [] адвокат Мусаев в присутствии присяжных заседателей стал настаивать на немедленном допросе подзащитного, а на замечание суда, возразил, что председательствующий лишает подзащитного права голоса и права дать показания в суде в любой момент. В ответ на очередное замечание действия председательствующего Мусаев назвал надругательством над правосудием и укрывательством преступления, а при допросе свидетеля В. [] в присутствии присяжных заседателей обвинил председательствующего в том, что он задает наводящие вопросы и пытается выполнить функцию обвинения, оставить за ней последнее слово. При допросе свидетеля С. [] сторона защиты доводила до сведения присяжных свою оценку работы председательствующего, используя такие выражения как, «если бы суд позволил мне представить доказательства, я бы обосновал свою позицию», или «суд не позволил мне представить сегодня ни одного доказательства».

В нарушение требований ст. 335 УПК РФ сторона защиты неоднократно заявляла ходатайства процессуального характера об исследовании доказательств, об изменении порядка их исследования, пытаясь вызвать у присяжных заседателей мнение о том, что сторона обвинения совместно с судом, якобы, пытается скрыть от них важные сведения. Так, во время допроса У. [] вопреки ранее установленному порядку исследования доказательств, сторона защиты заявила об исследовании заключений экспертов и других документов, являющихся доказательствами стороны обвинения. Во время допроса потерпевшего В. [] сторона защиты сообщила об угрозах в адрес погибшего и заявила ходатайство об оглашении его показаний, чтобы разобраться с фактом угроз. Получив отказ в удовлетворении ходатайств, Мусаев вызвал у присяжных заседателей ложное мнение о том, что сторона обвинения и суд не намерены выяснять истину по делу и устранять противоречия в показаниях. В период допроса свидетеля обвинения С. [] Мусаев дважды попросил об оглашении его показаний в связи с существенными противоречиями, а после замечания суда и предложения пройти к столу председательствующего, ходатайств заявлять не стал. Таким образом, защитник преследовал цель ввести присяжных заседателей в заблуждение относительно воспрепятствования ему в исследовании доказательств. Получив ответ от

свидетеля Е [] о том, что ранее данные им показания о заказе на убийство от «Л []» являлись предположением, адвокат Мусаев возразил, что в протоколе, который имеется у него, никаких домыслов нет, сообщил, что он готов огласить имеющийся у него протокол, если это позволит суд и при этом продемонстрировал присяжным заседателям имеющиеся у него копии материалов уголовного дела. Затем в присутствии присяжных заседателей Мусаев заявил ходатайство о допросе свидетеля защиты Р [] до обсуждения сторонами вопроса о том, относятся ли показания этого свидетеля к предмету доказывания и соответствуют ли они требованиям ст. 335 УПК РФ. При таких обстоятельствах решение председательствующего и об отказе в оглашении копий протокола допроса и об отказе в допросе Р [] вызвало у присяжных ложное представление о попытке стороны обвинения скрыть от них важные оправдывающие подсудимого факты.

Стороной защиты неоднократно до сведения присяжных заседателей доводились процессуальные обстоятельства, оценка которых не отнесена законом к их компетенции. Так во время допроса подсудимого адвокат Мусаев заявил, что суд отказал в исследовании детализации телефонных соединений, подсудимый сослался на наличие документов, которые не дали возможность представить присяжным заседателям, но которые могут подтвердить, что С [] его оговаривает. На одном из заседаний Мусаев, будучи приглашённым к столу председательствующего для заявления ходатайства, громко, чтобы слышали присяжные заседатели, заявил об оглашении письма С [] в адрес Р [] и пояснил, что Р [] не явится в судебное заседание ввиду поступающих в ее адрес угроз, что ее необходимо было допрашивать в предыдущем заседании, чему препятствовал суд и сторона обвинения. Незаконно воздействуя на присяжных заседателей, Мусаев заявлял, что подзащитный был готов допрашиваться с использованием полиграфа, пройти психолингвистическое исследование, понимая, что подобные доказательства недопустимы в суде присяжных.

В каждом случае, председательствующий либо не разъяснял присяжным заседателям незаконность подобных действий стороны защиты, либо предлагал не учитывать полученные таким незаконным путем сведения о деле и об участниках процесса. При этом суд ни разу не разъяснил присяжным, что вопросы, касающиеся порядка исследования доказательств, не входят в их компетенцию.

Защитники Мусаев и Камоев в ходе судебного разбирательства систематически допускали высказывания, имеющие целью опорочить представляемые стороной обвинения доказательства и незаконно сформировать у присяжных заседателей предубеждение в невиновности подсудимого, заявляли о нарушении судом права стороны защиты на представление доказательств, вводили присяжных в заблуждение, называя подзащитного вором, в то время как он обвинялся в организации убийства.

В ходе прений сторон адвокат Мусаев делал заявления о, якобы имеющихся данных, что свидетели обвинения К [] и С [] находятся

во власти правоохранительных органов, в связи с чем дают ложные показания о виновности его подзащитного, а подсудимый Соловьёв - о том, что расследование уголовного дела производилось незаконными методами, в результате чего и стало возможным предъявление ему обвинения.

С целью формирования предубеждения о том, что суд благоволит стороне обвинения, Мусаев заявил, что столь длительный перерыв между прениями и напутственным словом был специально сделан для того, чтобы в напутственном слове председательствующий мог изложить доказательства так, как это было бы выгодно стороне обвинения и, злоупотребляя правом на возражения в связи с напутственным словом, повторил свое выступление в прениях. Несмотря на то, что суд трижды останавливал его, Мусаев проанализировал большую часть представленных доказательств в том свете, в котором это выгодно стороне защиты.

По мнению авторов жалоб, присяжные заседатели на протяжении всего процесса вовлекались в исследование вопросов, не входящих в их компетенцию, их убеждение в невиновности подсудимого Соловьёва сформировалось не в результате объективной оценки доказательств по делу, а под давлением многочисленных незаконных приёмов, применяемых стороной защиты, в связи с чем приговор от 16 ноября 2016 года просят отменить и уголовное дело передать на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции.

Заслушав участников процесса, проверив доводы, содержащиеся в апелляционном представлении, в апелляционных жалобах и в дополнениях к ним, изучив материалы уголовного дела, Судебная коллегия приходит к следующему.

В соответствии со ст. 389.25 УПК РФ оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных заседателей, может быть отменен по представлению прокурора либо жалобе потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя лишь при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего или его законного представителя и (или) представителя на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных присяжными заседателями ответов, а также если при неясном и противоречивом вердикте председательствующий не указал присяжным заседателям на неясность и противоречивость вердикта и не предложил им вернуться в совещательную комнату для внесения уточнений в вопросный лист.

Такие нарушения при рассмотрении уголовного дела в отношении Соловьёва В.В. допущены.

Согласно ч.3 ст.328 УПК РФ председательствующий разъясняет кандидатам в присяжные заседатели их обязанность правдиво отвечать на

задаваемые им вопросы, а также представить необходимую информацию о себе и об отношениях с другими участниками уголовного судопроизводства, после чего опрашивает о наличии обстоятельств, препятствующих их участию в рассмотрении дела.

Как следует из протокола судебного заседания председательствующий разъяснил кандидатам в присяжные заседатели, что подлежат отводу лица, прямо или косвенно заинтересованные в исходе дела. Вместе с тем, на вопрос председательствующего о том, известно ли кому-нибудь об обстоятельствах данного дела, кандидат в присяжные заседатели Л. [] ничего не ответила. В результате отбора она вошла в список запасных присяжных заседателей, а 5 сентября 2016 года взамен выбывшего коллеги - в основной состав коллегии. 26 октября 2016 года Л. [] стороной обвинения был заявлен отвод, при рассмотрении которого установлено, что она на коммерческой основе обучалась в университете в период работы в нем подсудимого в должности проректора и закончила учебное заведение, когда его возглавлял убитый В. []. При этом, как следует из обвинения, В. [] был лишен жизни в связи с совершением им ряда действий на посту ректора, направленных на изменение системы коммерческого обучения, действовавшей до него, то есть в период работы Соловьева.

Оценив данные обстоятельства, председательствующий пришел к выводу, что у Л. [] вне рамок рассмотрения дела могло сформироваться убеждение относительно данной системы обучения, предубеждение в как в отношении подсудимого, так и в отношении убитого, что может повлиять на содержание вердикта присяжных заседателей, и на основании ч.2 ст.61 УПК РФ отвел ее от участия в рассмотрении уголовного дела.

Не смотря на то, что председательствующий сразу после выявления обстоятельств, препятствующих участию Л. [] в деле, принял решение, законность которого сторонами не оспаривается, однако ситуацию, при которой она могла оказать воздействие на других присяжных заседателей и таким образом повлиять на содержание данных ими ответов, исключить не удалось, поскольку в период с 25 августа Л. [] участвовала в судебных заседаниях, а в период с 5 сентября по 26 октября 2016 года принимала участие в обсуждении и оценке доказательств наряду с другими присяжными заседателями (т.52 л.д.165-167, т.53 л.д.10, 14, 68, т.54 л.д.231).

Согласно ст.ст.334, 335 УПК РФ присяжные заседатели разрешают вопросы о доказанности деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, о доказанности участия в нем подсудимого и его виновности, в связи с чем в присутствии присяжных подлежат исследованию только те фактические обстоятельства дела, доказанность которых отнесена к их компетенции. Иные вопросы разрешаются председательствующим единолично.

Как следует из протокола судебного заседания вопреки вышеприведенным положениям закона в присутствии присяжных заседателей неоднократно

обсуждались ходатайства стороны защиты процессуального характера, не имеющие отношения к установлению фактических обстоятельств дела.

Так, сторона защиты в присутствии присяжных заседателей заявила ходатайства об оглашении показаний потерпевшей В [REDACTED], обосновав это необходимостью разобраться с фактом угроз, свидетеля обвинения С [REDACTED] указывая присяжным на противоречивость его показаний, а также свидетелей Е [REDACTED] и М [REDACTED], во время допроса потерпевшей У [REDACTED] заявила об изменении порядка исследования доказательств стороны обвинения, а также о допросе свидетеля защиты Р [REDACTED] до обсуждения сторонами вопроса об относимости и допустимости ее показаний (т.53 л.д. 91-92, 109, 142,146 т.54 л.д.60, 209, 221, 239).

Судебная коллегия соглашается с доводами апелляционных жалоб о том, что при условии доведения до присяжных заседателей указанной выше информации, последовавший за ней отказ в удовлетворении ходатайств создал у присяжных впечатление, что суд пытается скрыть от них сведения, имеющие значение для дела.

Дальнейшие нарушения положений ст.335 УПК РФ, допущенные стороной защиты, способствовали формированию у присяжных заседателей мнения о нарушении председательствующим принципа состязательности сторон и нарушении прав стороны защиты на представление доказательств, которые содержат в себе обстоятельства, исключающие виновность подсудимого.

Так, при допросе свидетеля С [REDACTED] адвокат Мусаев в присутствии присяжных заявил, что если бы суд позволил ему представить доказательства, он бы обосновал свою позицию, однако, суд не позволил представить сегодня ни одного доказательства. Во время допроса подсудимого данный адвокат заявил, что суд отказал в исследовании детализации телефонных соединений, назвал недопустимыми показания свидетеля Н [REDACTED]. По поводу показаний свидетеля Е [REDACTED], который объяснил, что его первоначальные показания о том, что заказ на убийство поступил от другого лица, являются предположением, адвокат Мусаев продемонстрировал присяжным заседателями свои копии материалов уголовного дела и заявил, что в них нет никаких предположений и, если бы суд позволил, он бы их огласил. Подсудимый Соловьев, обращаясь к присяжным заседателям, сказал, что имеются документы, подтверждающие, что свидетель С [REDACTED] его оговаривает, но их не позволили представить (т.54, л.д. 108, 184-186, 197, 224).

Многократные возражения стороны защиты на действия председательствующего, высказанные в присутствии присяжных заседателей, в некоторых случаях с комментариями о нарушении им прав стороны защиты, усугубляли незаконное воздействие на присяжных.

Так, председательствующий отвел как не относящиеся к делу вопросы адвоката Мусаева к потерпевшей У [REDACTED] о неприятностях, связанных с предыдущим местом работы покойного В [REDACTED] к свидетелю С [REDACTED] касающиеся интимной жизни, к свидетелю К [REDACTED] относительно общения с подсудимым, на что адвокат заявил свое возражение (т.53 л.д.89, 149, 160-163,

172, 182). Во время допроса свидетеля Г [REDACTED] адвокат Мусаев в присутствии присяжных стал настаивать на немедленном допросе подзащитного, а на замечание суда возразил, что председательствующий лишает подсудимого права голоса и права на дачу показаний, в ответ на замечание председательствующего по поводу обсуждения в присутствии присяжных заседателей вопросов процессуального характера назвал его действия надругательством над правосудием и укрывательством преступлений, заявил, что председательствующий выполняет функцию обвинения, пытаясь за ней оставить последнее слово и задает наводящие вопросы (т.54 л.д.81,109, 124).

Подтвердились, изложенные в апелляционных жалобах и представлении доводы о нарушении требования ч. 8 ст. 335 УПК РФ, согласно которым данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется. Запрещается исследовать факты прежней судимости, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. При этом по смыслу ч. 8 ст. 335 запрет об исследовании указанных данных распространяется не только на подсудимого, но и на свидетелей.

Вместе с тем, при допросе свидетеля С [REDACTED], давшего показания против Соловьева, адвокат в присутствии заседателей задавал ему вопросы, не относящиеся к обвинению, из содержания которых следовало, что свидетель причастен к криминальной среде, что он задерживался по подозрению в причастности к совершению данного преступления, что он имеет отношение к другим уголовным делам, а в отношении свидетеля обвинения Ковалева заявил, что он уже отбывает наказание за организацию убийства В [REDACTED]. Не смотря на то, что данные вопросы были отведены председательствующим негативная, незаконно доведенная до сведения присяжных заседателей информация способствовала формированию у них предвзятого отношения к ключевым свидетелям обвинения и возникновению недоверия к их показаниям (том 53 л.д. 157-159).

С аналогичной целью адвокат Мусаев в присутствии присяжных заседателей систематически делал заявления о том, что свидетели обвинения К [REDACTED] и С [REDACTED] находятся во власти правоохранительных органов, в связи с чем дают ложные показания о виновности его подзащитного, что реальным заказчиком убийства является свидетель С [REDACTED], но его покрывает вся правоохранительная система, а подсудимый Соловьёв В.В. сказал, что расследование уголовного дела производилось незаконными методами, и только в результате этого стало возможным предъявление ему обвинения в убийстве, что на свидетелей обвинения было оказано давление и показания К [REDACTED] и С [REDACTED] – это результат работы оперативных сотрудников, что обвинение ему предъявлено только с целью повышения по службы лиц, якобы, раскрывших преступление (т.55 л.д.26, 33-36, 38, 40-41).

В ходе судебного разбирательства в присутствии присяжных заседателей сторона защиты неоднократно ссыалась на доказательства, которые на тот

момент не были исследованы или не исследовались в рамках данного дела: при допросе свидетеля С [] – на письмо, в котором он, якобы, признался в оговоре подсудимого, на детализацию телефонных соединений и заключение финансово - экономической экспертизы, на содержание показаний свидетеля Р [] а также заявлял присяжным заседателям, что его подзащитный был готов допрашиваться с использованием полиграфа и пройти психолингвистическое исследование, зная, что такие доказательства не могут быть представлены к исследованию с участием присяжных заседателей (том 53 л.д. 68- 69, 86-87, 89, 150, 157-159, т.54 л.д. 197,198, 225-227).

Из протокола судебного заседания следует, что участники процесса со стороны защиты многократно задавали вопросы, не связанные с предъявленным обвинением, которые председательствующий снимал и в большинстве случаев давал присяжным соответствующие закону разъяснения, однако это загружало присяжных заседателей ненужной информацией, отвлекая от исполнения возложенных обязанностей (т.54, л.д.184-186).

Доводы апелляционных жалоб и представления о том, что исследованные судом доказательства стороной защиты в некоторых случаях приводились и пересказывались присяжным заседателям в выгодном для себя варианте, также нашли свое подтверждение. Например, при допросе свидетеля М [] адвокат Мусаев утверждал, что свидетель выдумал содержание разговора с К [] в том время как свидетель таких показаний не давал. В прениях и в возражении на напутственное слово адвокат исказил показания свидетелей М [] и Е [], заявив, что они указали на С [], как на заказчика убийства, что не соответствует показаниям указанных свидетелей в судебном заседании. В первом случае председательствующий сделал замечание адвокату, но не дал разъяснений присяжным заседателям (т.53 л.д.126).

В нарушение ст.336, 337 и 293 УПК РФ, согласно которым содержание прений сторон и последнего слова не должны выходить за пределы вопросов, подлежащих разрешению присяжными заседателями, адвокат Мусаев многократно касался процедуры получения доказательств, ссылаясь на материалы другого уголовного дела, которые не являлись предметом исследования в ходе судебного разбирательства (том 55 л.д. 35-38), а подсудимый Соловьев в последнем слове говорил о недопустимости показаний свидетелей обвинения и условиях содержания под стражей (том 55 л.д. 40-42).

В соответствии со ст. 340 УПК РФ перед удалением коллегии присяжных заседателей в совещательную комнату для вынесения вердикта председательствующий обращается к присяжным заседателям с напутственным словом, в котором запрещается в какой-либо форме выражать свое мнение по поставленным на разрешение вопросам.

Стороны вправе заявить в судебном заседании возражения в связи с содержанием напутственного слова председательствующего по мотивам нарушения им принципа объективности и беспристрастности, в то время как

председательствующий позволил адвокатам Мусаеву и Камоеву заново изложить и оценить доказательства с точки зрения защиты. В адрес стороны защиты председательствующим было сделано несколько замечаний, которые не возымели своего действия, однако выступление адвокатов прервано не было. При этом адвокаты обвинили суд в нарушении равноправия сторон и призвали присяжных заседателей не идти на поводу у председательствующего (т.54 л.д.46-49). После выступления адвокатов председательствующий ограничился упоминанием о том, что при оценке доказательств присяжные заседатели должны руководствоваться своим мнением и оценивать доказательства такими, какими они их запомнили, не придав значения тому, что последняя трактовка доказательств перед присяжными была произведена заинтересованной в исходе дела стороной. Не смотря на это, председательствующий не дал оценки тому, соответствует ли изложенное стороной защиты содержание доказательств, показаниям свидетелей и письменным доказательствам. При таких обстоятельствах Судебная коллегия считает, что принцип объективности и беспристрастности был нарушен, что не могло не отразиться на содержании ответов присяжных заседателей.

Согласно протоколу судебного заседания председательствующий пытался пресечь неправомерное поведение участников процесса со стороны защиты (объявлено более двадцати замечаний), однако некоторые факты нарушения ими процессуального законодательства были оставлены без внимания, не во всех случаях принятых мер было достаточно для ограждения коллегии присяжных заседателей от незаконного влияния. Так, председательствующий не разъяснил присяжным заседателям, что вопросы, касающиеся порядка исследования доказательств, ходатайства о допросе свидетелей, об оглашении их показаний на предварительном следствии, об исследовании документов, согласно требованиям закона не входят в их компетенцию. Не было обращено внимание присяжных заседателей на эти особенности судопроизводства и в напутственном слове.

Учитывая существенность и систематичность допущенных стороной защиты нарушений положений уголовно-процессуального кодекса, регламентирующих порядок рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей, Судебная коллегия приходит к выводу, что таким образом на присяжных заседателей было оказано незаконное воздействие, которое, как правильно утверждается в апелляционных представлениях и жалобах, повлияло на формирование мнения присяжных заседателей и отразилось на содержании ответов на поставленные перед присяжными заседателями вопросы при вынесении вердикта.

Допущенные в ходе судебного разбирательства нарушения уголовно-процессуального закона, как повлиявшие на ответы присяжных заседателей на поставленные перед ними вопросы, являются основанием отмены

оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта присяжных заседателей.

По указанным мотивам апелляционное представление государственного обвинителя, апелляционные жалобы потерпевших и их представителя подлежат удовлетворению, а уголовное дело - направлению на новое судебное разбирательство.

Руководствуясь ст.ст. 389.20, 389.25, 389.28 УПК РФ, Судебная коллегия

определила:

приговор Ленинградского областного суда с участием коллегии присяжных заседателей от 16 ноября 2016 года в отношении **Соловьева В. [REDACTED] В. [REDACTED]** отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение в тот же суд иным составом суда со стадии судебного разбирательства.

Председательствующий

Судьи